

Глеб Карпинский

Гостя из прошлого

Асексуальный рассказ

Глеб Карпинский

**Гостя из прошлого.
Асексуальный рассказ**

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Гостья из прошлого. Асексуальный рассказ / Г. Карпинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506637-4

Рассказ «Гостья из прошлого» не вошел в сборник «Французские яйца» по причине того, что редактор отказался с ним работать, посчитав довольно асексуальным и «чернушным». Вкратце, это история зрелой бездетной пары, которая раньше жила вольготно в Париже, а сейчас прозябает в русской деревне. Отношения у супругов находятся на грани, но каждый из них не теряет надежды спасти брак. Однажды их хрупкое равновесие нарушает приезд молодой гостьи, бывшей знакомой мужа из Франции...

ISBN 978-5-00-506637-4

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Гостя из прошлого Асексуальный рассказ

Глеб Карпинский

© Глеб Карпинский, 2019

ISBN 978-5-0050-6637-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Пойду курам дам, – вздохнула жена и, взяв кастрюлю с пропавшей гречкой, пошла обуваться.

Он хмуро посмотрел ей вслед, на грубое, безобразное платье, похоже сшитое из пыльных мешков, на то, как эта зачуханная женщина надевает галоши на голую ногу, и все в нем заклокотало. Гречку было жалко.

«Подумать только! Целая кастрюля пропала, и как она могла забыть убрать ее на ночь в холодильник!»

Ему вдруг захотелось догнать жену и ударить кулаком ей по лицу, или оттащить хорошенько за волосы, но он сдержался, имея за своими плечами богатый опыт работы дипломатом.

– Заодно капкан проверь. Мож попалась... – крикнул он вслед как-то небрежно и потянулся за уже початой бутылкой браги.

Потом, когда входная дверь закрылась, и серая тень жены, точно быстрая мышь, мелькнула во дворе, он упоительно присосался к этой бутылке, и голодным младенцем смачно стал почмокивать. Не то, что ему хотелось напиться. Нет. Брага была кислой и безвкусной. Просто сегодня днем его ждали большие дела, и для этого нужно было немного храбрости.

Алкоголь предсказуемо не пошел, и он поперхнулся, закашлял, стал судорожно искать на столе закуску, схватил пучок молодой петрушки и жадно стал жевать ее, точно одуревший от голода козел.

«А в самом деле, – подумал он, почесывая щетину, – я и есть тот самый козел, и даже не побрился к ее приезду. Интересно, узнает ли она меня, если я при встрече не накину шелковую удавку. Надо спросить жену, где мой двубортный пиджачок от Armani. Хотя, ну его к черту! Еще гляди, не налезет. Вон, какое брюшко отрастил!»

Мысль о том, что он похож на козла, позабавила его. Он даже стал внюхиваться в свою потную от тяжелого физического труда рубашу, трогать себя под густыми влажными мышками и, убедившись, что от него должно быть дурно пахнет, сделал на этот раз, более уверенный долгий глоток. Потом, как всегда, его мощный кулак обрушился на стол, и все зазвенело вокруг, затрепетало, задрожало, стало как-то не по себе, и он почувствовал легкое удушье, точно его уже душил галстук. Как раз вернулась жена, а вместе с ее приходом в дом ворвался свежий утренний воздух, пропахший сладким одурманивающим запахом сирени. Все-таки хорошо, что он не порубил сдуру эти кусты...

Алкоголь начинал действовать, но бил не в голову, а в ноги, которые становились ватные и тяжелые. Он пошевелил ими, попробовал подняться со скамьи. Жена, тщательно споласкивающая кастрюлю над раковиной, начинала почему-то нравиться ему, и он еще подумал тогда, что будет неплохо, если пред приездом гостя он спустит немного пар. Его карие, с прищуром глаза еще с каким-то наваждением смотрели на эту сутулую спину, на тощие бока, обтянутые этой дурацкой мешковиной, на оголенные покатые плечи, но сильное желание овладеть этой уставшей, задерганной женщиной, встряхнуть ее, как следует, точно старую пыльную подушку, затуманивала ему взор, и он поднялся.

Жена не обернулась. Она давно привыкла к его грубости, может быть, даже ждала, когда он подойдет к ней сзади, задерет платье и прильнет пьяными губами к ее ягодицам. Потом, как всегда разрыдается и будет просить прощения на коленях.

– Ну что, попалась? – прошептал он, обхватывая ее за талию.

Она почему-то подумала, что он имеет в виду ее, что попалась именно она, и кивнула машинально, так как она действительно попалась, и попалась давно – ровно пять лет назад, когда он привез ее сюда в деревню, и она как умалишенная ходила по огороду и радовалась щебетанию воробьев.

«Пять лет, о Боже! Как давно это было! Мне тогда было тридцать три года, совсем молодая, а сейчас» – и она посмотрела мимоходом на свои красные от холодной воды руки.

Запах кислой браги пыхнул ей в шею. Муж стал тискать ее за груди, мять их, и жена захотела томно застонать, как прежде, отклонить назад голову, оголяя шею для поцелуев, но что-то останавливало ее, тревожило. Может быть, струя холодной воды, брызжащая из крана, напоминала ей о том, что время безвозвратно утекает, а, может, непрощенная обида за то, что все иллюзии окончательно рухнули, что сейчас они утопи в жиже куриного помета вместо того, чтобы ходить по французским улочкам и кушать круассаны.

«Подумать только! Еще пять лет назад она свободно изъяснялась на-французском...» – и жена с сожалением посмотрела на свои красные от холода руки.

Бойлер уже неделю как не работал, ремонт своими силами ничего не дал, а чтобы купить новый, пока не хватало средств.

– Жирная? – спросил опять муж, утыкаясь носом в ее макушку и вдыхая с наслаждением запах ее уже тронутых сединой волос.

– Кто жирная? – повела она недовольно плечами, пытаясь отстраниться. – Ты про крысу что ль? Нет, крысеныш попался.

– Значит, еще есть... – проворчал он, отпустил объятия. – Когда поеду встречать, может, куплю еще парочку капканов.

Затем он прошелся по комнате, что-то обдумывая, и жена терпеливо слушала, как скрипят под тяжестью его медленных ног половые доски.

– Ты можешь приготовить нам что-нибудь изысканное? Ну, курицу что ль свари. Все равно зажирили, яйца не несут.

Жена вдруг обернулась, словно очнулась от зимней спячки.

– А как же ты сядешь за руль? Ты же пьян!

– Не бойсь! Я проселочной поеду, – успокоил он ее ухмылкой. – Там ментов в помине не было. Ну а если даже что, покажу ксиву.

– Так она ж просроченная...

– Просроченная, непросроченная... Все равно бывших атташе не бывает.

Потом ее внимание переключилось на французский язык, и она попыталась вспомнить парочку заезженных фраз, чтобы доказать себе, что она еще не совсем опустилась, что ничего еще не потеряно и стоит только начать новую жизнь и все вернется, как прежде... Но память словно отшибло напрочь. В голове крутился этот совсем как-то не вовремя приезд знакомой мужа, о которой она ничего прежде не знала.

Муж уже оделся и завел в гараже машину, а жена все еще пыталась сосредоточиться на своем, женском. «Excuse mon français, mais qu'est ce...» (Извините за мой французский, но какого хр...), – скажет она прямо, глядя в глаза этой свалившейся на голову напасти.

Гостя эта, судя по всему, обещала быть уже менее, чем через час. Железнодорожная станция была близко, где-то в двух километрах, и гудки поездов, летящих по блестящим рельсам, то и дело доносились досюда. Сегодня же с утра их было особенно много, что даже голова разболелась.

– Прошу тебя, только будь осторожен! – выбежала встревоженная и вся растрепанная она во двор, когда УАЗик мужа резко рванулся с места и чуть не сшиб столб у ворот.

Она сама едва успела отскочить в сторону, и в удушливом облаке угарных выхлопов так и застыла, невольно провожая стремительно исчезающую из вида машину.

«Курицу что ль свари...» – звучали в голове слова мужа, и она, послушно взяв в руку топорик, пошла опять в сарай, к тем, кого только что накормила пропавшей гречкой.

2

Когда она услышала гудок подъезжающей машины, сердце ее защемило и заныло. Нужно было открывать ворота, встречать гостью, а у нее еще не был накрыт стол. Впопыхах она дорезала кое-как салат из помидоров, посолила, поперчила, полила оливковым маслом. Конечно, не хватало трехслойной овечьей брынзы, но где ее взять в России, тем более в глубинке, в ста километрах от столицы?

Муж уже открывал ворота. Она увидела его через окно, он был весь какой-то напыщенный, важный, точно соседский индюк.

«Странно, что он не побрился, – подумала она, вытирая руки о полотенце. – Эти избалованные француженки привыкли к чистоте и аккуратности».

Затем жена вышла во двор, переглянулась молча с мужем, который опять садился в машину, чтобы закатить ее поближе к дому. В салоне сидела миловидная девушка в легком ситцевом платице, с каким-то простеньким шарфиком, обмотанным вокруг ее лебединой шеи, волосы русые, совсем молоденькая, какая-то бледненькая.

«Откуда муж мог знать эту девушку? Да и на взбалмошную француженку она особо не похожа, хотя... „Les eaux mortes sont profondes“ (В тихом омуте черти водятся), – рассуждала жена, делая шаг навстречу, чтобы познакомиться. – Они, должно быть, познакомились в Париже на одном из посольских банкетов. Там часто пасутся вертихвостки. Но это же было лет пять назад! А, значит, на тот момент ей было не больше пятнадцати, а, может, и того меньше».

– Bonjour. Bienvenue! (Здравствуйте. Добро пожаловать!) – спросила она на французском языке, собираясь расцеловать гостью в обе щеки. – Et vous devez être Lise? (Вы должно быть Лиза?)

Прибывшая девушка сама вышла из машины, надвинула слегка бровки, точно сердясь чему-то, и протянула вперед свою слабую кисть для рукопожатия, показывая тем самым, что она не хочет сильно сближаться с хозяйкой и весь этот приезд имеет вынужденный и краткосрочный характер. В это время подошел муж. Он немного задержался с парковкой в гараже, когда его жена и молодая гостья обменялись рукопожатием.

– Вы, девочки, уже познакомились? – засмеялся он, пребывая в сильном экзальтированном состоянии. – Вот и хорошо. Не выношу там всякие «puis-je vous présenter...» и «enchanté...», (разрешите представить Вам...) и «очень приятно». Все это вот тут сидит! – и он коснулся ребром ладони своего кадыка.

– Да, я Лиза, – ответила холодно гостья с легким акцентом, глядя в глаза хозяйке. – Действительно, давайте не будем говорить на-французском. Это лягушачье кваканье наверно всегда будет напоминать мне о моем покойном папочке.

– Простите, я не знала, – смутилась жена, пропуская гостью вперед. – Примите мои искренние соболезнования.

– Ничего страшного. Я давно уже пролила горькие слезы...

Девушка быстро поднялась по ступенькам.

«А она стройная... Худенькая, но стройная, – пронеслась почему-то мысль в голове хозяйки. – И еще с претензией».

Красивые французские туфельки на высоком каблуке не давали покоя. Они мелькали перед глазами уставшей женщины и своим звонким цоканьем напоминали мостовые улицы Парижа...

«Как давно я не носила такую обувь...» – чуть ли не с завистью подумала она.

Все какой-то суматошной гурьбой зашли в сени и стали разуваться, кроме гостьи. Та недоуменно смотрела на хозяев, будто те совершали перед ней нечто непристойное, немислимое.

– Не помню, говорил я тебе... – обратился муж к супруге, считая, что пришло, наконец, время прояснить всю ситуацию с приездом гостьи. – Отец Лизы был известным диссидентом. Тот самый писатель, бежавший из СССР в середине 80-х... Ты, наверно, слышала всю эту скандальную историю, когда дали по шапке Громыко? Только подумать, я еще тогда только поступил в академию при МИДе...

Затем мужчина тяжело вздохнул, с ностальгией припоминая славные студенческие годы, и, заметив, что гостья все так и стоит в нерешительности и смотрит, как он стаскивает с себя мыском левой ноги правый ботинок, опять рассмеялся. Вообще, он был что-то слишком весел сегодня, и это не могло не насторожить жену, но она, как всегда, проявила самообладание и не показала виду, что такие перемены в его поведении ее как-то волнуют.

– Да, да... Что-то припоминаю... – едва успела подбежать она к кухонной плите и приподняла горячую крышку голыми руками.

Боль прожгла пальцы, и крышка упала на пол. По комнате запахло закипевшим куриным бульоном, а над кастрюлей вс клубился пар. В возникшей неловкой ситуации все замерли, точно ожидая взрыва гранаты. Но ничего не произошло, и гостья решила первой проявить инициативу и сама села за стол, с интересом оглядываясь. Повсюду были видны признаки какого-то запустения, упадка, и когда ее внимательный взгляд упал на паутину в углу, она поморщилась и воскликнула «О-ля-ля-ля-ля».

– Кажется, это был франко-русский литературный вечер, организованный в честь творчества Бальзака, – подняла жена с пола крышку и пошла ее споласкивать.

– Не Бальзака, а Золя! – поправил ее грубо муж, будто это было сейчас очень важно.

– Ваня, а чемодан? – вдруг воскликнула гостья, будто разговоры об ее покойном отце совсем не интересовали ее. – Там у меня подарок для твоей жены!

И это фамильярное «Ваня» и этот готовящийся сюрприз быстро вывели хозяйку из и без того хрупкого равновесия, и она опять выронила крышку на пол, и снова неприятно задребезжало в ушах.

– Да, что с тобой? Руки не держат? – выругался муж сквозь зубы, садясь за стол и глядя с негодованием на единственную тарелку с нарезанными наспех помидорами. Потом он как будто спохватился и расплылся в слащавой улыбке, обращаясь к гостье. – Чемодан, Лизонька? Так он в багажнике. Никуда ж не денется... Вера, налей нам за приезд!

– Нет, пожалуйста, принеси! – капризно настояла на своем девушка, и мужчина повиновался.

Когда он вышел, Лиза осторожно взяла двумя пальчиками ломтик помидора и поднесла к губам. Жена только сейчас спохватилась, что забыла про вилки.

– Не люблю, когда кто-то говорит о моем папочке, тем более, Ваш муж далеко не был его другом, – призналась гостья стоявшей у раковины женщине. – Лучше я сама Вам все расскажу. Так вот в Париже мой отец женился на польской эмигрантке-официантке, но не удачно. Она родила ему девочку, то есть меня, и сразу же подала на развод, свалила за лучшей жизнью в США, ну, и скатертью ей дорога...

– Это часто бывает с полячками... – заметила хозяйка с некой долей раздражения.

– Возможно, – кивнула гостья. – Нам свободолюбивым женщинам Европы всегда чего-то не хватает... Хотя я думаю, сейчас она локти кусает. Мой папочка потом стал очень богатым человеком с широкими связями...

– Вы к нам надолго?

– Большие города, цивилизация немного утомляют меня, – как ни в чем не бывало, ответила Лиза, усмехнувшись. – После нервного потрясения врачи советуют мне проводить больше

времени в путешествиях. Где я только ни была! и на Гавайях, и на Майорке, и на Канарских островах... Но все это не то... Везде полно народа, дикого неотесанного народа, помешанного на сексе и наркотиках... Так что признаюсь, когда Ваш муж пригласил меня в русскую деревню, я сначала подумала, что это шутка... Но свежий воздух некогда потерянной Родины, как видите, благоприятно действует на мои легкие.... Знаете ли, я обычно мучаюсь приступами астмы, буквально задыхаюсь, особенно ночью. Говорят, это нервное...

В этот момент дверь отворилась, и на пороге кухни возник запыхавшийся муж. Он с большим трудом вволок в дом огромный чемодан на колесиках, переплетенный прозрачной аэропортовой лентой.

– Так, так, – обвел он всех присутствующих подозрительным взглядом и почувствовал, что от него чего-то скрывают, добавил: – Так ты, Лиз, уже рассказала? Ну и славненько!

Жена взяла доску и стала очищать шелуху с лука и нарезать его для супа. Гостя поднялась из-за стола и подошла к ней.

– Давайте я порежу! – предложила она свою помощь хозяйке, и ее маленькая ладошка вдруг, не дожидаясь ответа, сама легла на режущую лук руку хозяйки.

Та отпустила нож и молча стала наблюдать, как эта хрупкая девушка с модным маникюром ловко орудует ножом, кроша луковицу на мелкие части. Брызги едкого сока растворились в воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.